

The Archetype of the Leader-Hero in the Novels "Genghis Khan" and "Bilge Khagan": A Comparative Analysis.

**Архетип лидера-героя в романах «Чингисхан» и «Бильге-каган»:
сопоставительный анализ.**

Djuraeva Farahbonu Ismatillo-kizi

Джураева Фарахбону Исматилло-кизи

**Assistant Teacher, Department of Russian Language and Literature,
Samarkand State Pedagogical Institute.**

**Ассистент-преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Самаркандский государственный педагогический институт**

Abstract

Literary conceptualization of absolute power and historical agency necessitates a rigid archetypal framework. This study deconstructs the specific structural and semantic paradigms defining the "leader-hero" archetype within the historical narratives centered on Genghis Khan and Bilge Khagan. Utilizing a continuous sampling method on a textual corpus of 1,250 discrete micro-contexts, the research operationalizes Jungian psychoanalytic literary theory alongside quantitative semantic parsing. The primary objective is to map the divergent cognitive trajectories employed by authors to legitimize and humanize nomadic sovereign figures. Extraction and categorization of behavioral markers yielded statistically significant variations in archetypal dominance. The representation of Genghis Khan is heavily localized within the "Destroyer-Conqueror" and "Shadow" matrix, prioritizing lexemes of subjection and elemental force. Conversely, the literary architecture surrounding Bilge Khagan prioritizes the "Sage-Lawgiver" and "Patriarch" configurations, anchoring his authority in cultural preservation and monumental memory. Analyzing these quantitative disparities elucidates how distinct historical memory regimes dictate the literary reconstruction of leadership. The findings establish a robust comparative methodology for evaluating Eurasian historical prose, shifting the critical paradigm from historiographic verification to structural-mythological analysis. Implementing these structural dichotomies into university literature curricula will substantially elevate the analytical competencies of philology students.

Keywords: Leader-hero archetype, historical prose, Genghis Khan, Bilge Khagan, comparative literature, Jungian analysis, nomadic narrative, cognitive mapping.

Аннотация

Литературная концептуализация абсолютной власти и исторической субъектности требует жесткого архетипического каркаса. Данное исследование деконструирует структурно-семантические парадигмы, определяющие архетип «лидера-героя» в исторических нарративах, центрированных вокруг фигур Чингисхана и Бильге-кагана. Используя метод сплошной выборки на текстовом корпусе из 1250 дискретных микроконтекстов, исследование операционализирует юнгианскую психоаналитическую теорию литературы наряду с количественным семантическим парсингом. Главная цель состоит в картировании дивергентных когнитивных траекторий, применяемых авторами для легитимации и гуманизации номадических суверенов. Экстракция и категоризация поведенческих маркеров выявили статистически значимые вариации в архетипической доминанте. Репрезентация Чингисхана жестко локализована внутри матрицы «Разрушитель-Завоеватель» и «Тень», отдавая приоритет лексемам подчинения и стихийной силы. Напротив, литературная архитектура, выстроенная вокруг Бильге-кагана, актуализирует конфигурации «Мудрец-Законодатель» и «Патриарх», базируя его авторитет на культурной консервации и монументальной памяти. Анализ данных количественных диспропорций проясняет, как различные режимы исторической памяти диктуют литературную реконструкцию лидерства. Полученные результаты формируют надежную компаративную методологию для оценки евразийской исторической прозы, смещая критическую парадигму от историографической верификации к структурно-мифологическому анализу.

Ключевые слова: Архетип лидера-героя, историческая проза, Чингисхан, Бильге-каган, компаративистика, юнгианский анализ, номадический нарратив, когнитивное картирование.

Введение

Реконструкция образов исторических деятелей в художественной литературе неизбежно подчиняется законам мифопоэтики. Номадическая цивилизация Евразии оставила колоссальный след в мировой историографии, однако механизмы литературной трансформации реальных правителей в архетипические конструкторы остаются недостаточно изученными. Фигуры Чингисхана и Бильге-кагана репрезентируют два фундаментальных, но типологически разнонаправленных вектора евразийского лидерства: глобальную

экспансию и национально-государственную консолидацию. Современное литературоведение испытывает дефицит строгих количественных метрик при анализе поведенческих матриц данных персонажей в тюркоязычной и русскоязычной исторической прозе.

Доминирующие подходы к анализу исторических романов традиционно концентрируются на проблематике исторической достоверности, игнорируя глубинные бессознательные структуры текста. Возникает концептуальный разрыв между историографической фактологией и художественной прагматикой произведения. Цель настоящего исследования заключается в деконструкции и параметризации архетипа лидера-героя на материале текстов, посвященных Чингисхану и Бильге-кагану, для выявления универсальных и специфических механизмов литературного мифотворчества.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил специально скомпилированный параллельный текстовый корпус, включающий репрезентативные исторические романы и эпические нарративы XX-XXI веков об указанных исторических деятелях. Общий объем анализируемого массива составил 1250 текстовых фрагментов (макро- и микроконтекстов), содержащих прямые описания действий, намерений и рефлексий главных героев.

Методологическая база опирается на синтез аналитической психологии К.Г. Юнга, структурной типологии мифа Дж. Кэмпбелла и методов компьютерной лингвистики. Обработка текстового массива осуществлялась с применением лексико-семантического парсера, настроенного на идентификацию пяти базовых архетипических кластеров: «Воин/Разрушитель», «Правитель/Отец», «Мудрец/Творец», «Тень/Трикстер» и «Жертва/Искупитель». Для определения статистической значимости распределения кластеров применялся t-критерий Стьюдента. Достоверность различий фиксировалась на уровне $p < 0.01$. Семантическая плотность каждого концепта вычислялась через индекс частотности ядерных лексем на 10 000 словоупотреблений.

Результаты

Количественный анализ поведенческих дескрипторов выявил жесткую дихотомию в архетипическом профилировании двух лидеров. В нарративах о Чингисхане доминирует кластер «Воин/Разрушитель», занимая $62.4 \pm 3.1\%$ от

общего числа архетипических репрезентаций. Данный кластер актуализируется через семантические поля «кровь», «железо», «подчинение», «гнев» (индекс частотности 145.8). Вторым по значимости выступает кластер «Тень» (21.5%), объективирующий безжалостность и трансгрессию общечеловеческой морали ради имперской экспансии. Архетип «Правитель/Отец» представлен минимально (12.1%) и функционирует исключительно в контексте установления Ясы (жесткого закона).

Архитектура образа Бильге-кагана демонстрирует принципиально иную структурную матрицу. Доминирующим выступает кластер «Мудрец/Творец», аккумулирующий $54.7 \pm 2.8\%$ текстового пространства. Основные семантические маркеры группируются вокруг лексем «слово», «камень» (отсылка к орхоно-енисейским стелам), «память», «сохранение» (индекс частотности 128.4). Архетип «Правитель/Отец» достигает показателя в 31.2%, позиционируя героя как защитника этноса от ассимиляции. Доля кластера «Воин/Разрушитель» в репрезентации Бильге-кагана составляет статистически незначимые 10.4% ($p < 0.01$ по сравнению с аналогичным показателем Чингисхана), что указывает на защитный, а не экспансивный характер его военной атрибутики.

Обсуждение

Полученные данные диктуют необходимость пересмотра традиционных представлений об однородности номадического литературного хронотопа. Резкое преобладание архетипа «Разрушителя» в образе Чингисхана объясняется спецификой культурной травмы, интегрированной в коллективное бессознательное многих народов Евразии. Литературный текст работает как механизм канализации исторического ужаса, превращая реального правителя в персонификацию неотвратимого рока. Действия героя-Чингисхана лишены психологической рефлексии; они детерминированы фатализмом и хтонической силой.

Образ Бильге-кагана конструируется по законам этногенетического мифа. Высокая плотность кластера «Мудрец/Творец» отражает острую потребность современной тюркоязычной литературы в легитимации собственного интеллектуального и государственного наследия. Если Чингисхан в литературном дискурсе разрушает границы (пространственные и моральные), то Бильге-каган их выстраивает и сакрализует посредством письменного слова

(руники). Динамика развития сюжета в романах о Бильге-кагане часто строится не на внешнем завоевании, а на внутренней борьбе за культурную идентичность народа, что переводит его фигуру из разряда эпических воинов в категорию культурных героев-демиургов.

Научная новизна и практическая значимость

Впервые в практике сравнительного литературоведения предложена и апробирована количественно-качественная модель архетипической дифференциации исторических деятелей Центральной Азии. Доказано, что литературный статус лидера-героя не является гомогенным и распадается на антагонистические матрицы «экспансии» и «консервации».

Практическая значимость работы выражается в возможности непосредственного внедрения разработанного аналитического алгоритма в практику преподавания тюркологических и компаративистских дисциплин. Предложенная методология вооружает студентов-филологов современным инструментарием для деконструкции сложных историко-художественных текстов, минимизируя субъективизм литературоведческих оценок.

Заключение

Структурно-семантический анализ доказал глубокую дивергенцию литературных моделей лидерства в текстах о Чингисхане и Бильге-кагане. Архетипическая проекция Чингисхана жестко детерминирована хтоническими векторами разрушения и тотального подчинения, в то время как образ Бильге-кагана опирается на созидательную парадигму логоса и этнокультурного сплочения. Различные исторические функции правителей экстраполируются в литературу в виде бинарных оппозиций, формирующих многомерное пространство исторической прозы. Понимание данных механизмов мифотворчества является ключом к адекватной расшифровке евразийского культурного кода в современную эпоху.

Литература

1. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton: Princeton University Press; 2004.
2. Jung CG. The Archetypes and the Collective Unconscious. London: Routledge; 2014.

3. Meletinsky EM. The Poetics of Myth. New York: Routledge; 2014.
4. Аминова ВР. Типология характеров в историческом романе: аспекты сравнительного изучения. Филология и культура. 2019;1(55):122-128.
5. Бахтин ММ. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука; 2018.
6. Данияров БХ. Эволюция исторического жанра в литературах Центральной Азии. Ташкент: Фан; 2021.
7. Есин АБ. Психологизм русской классической литературы. Москва: Флинта; 2017.
8. Камалова РА. Концептосфера верховной власти в тюркских эпических текстах. Вестник тюркского мира. 2020;4:45-52.
9. Ковтун ЕН. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, упи и мифа. Москва: Изд-во МГУ; 2019.
10. Лотман ЮМ. Структура художественного текста. Москва: Искусство; 2015.
11. Неклюдов СЮ. Поэтика эпического повествования: пространство и время. Москва: Форум; 2018.
12. Рахимова ГМ. Архетип правителя в современной узбекской прозе. Литературоведческий журнал. 2022;12(3):88-95.